

Константин Геннадьевич Фролов

**О некоторых гипотезах по поводу
доктринальных различий между
аналитической и континентальной
философией¹**

Аннотация. Я выдвигаю девять гипотез по поводу того, каковы могут быть значимые различия в представлениях о том, как устроен мир, между представителями аналитической и континентальной философии. Представляется правдоподобным предположение о том, что существенное большинство аналитических философов принимают данные положения в качестве истинных, тогда как большинство континентальных философов полагают их ложными. Эти выдвигаемые мною предположения нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке. В случае её успеха можно будет говорить о том, что понятия аналитической и континентальной философии всё же обладают определённым дескриптивным содержанием. Нечёткость этих понятий вовсе не гарантирует отсутствия у них содержания.

Ключевые слова: аналитическая философия, континентальная философия, истина, семантика, значение, композициональность.

Для цитирования: Фролов, К. Г. (2025). О некоторых гипотезах по поводу доктринальных различий между аналитической и континентальной философией. *Analytica*, 10, 244–263.

Я начну с того, что постараюсь с максимальной ясностью определить те задачи, которые я ставлю перед собой в рамках данного текста. Моей основной задачей является прояснение имеющейся у меня интуиции о том, что между представителями аналитической и континентальной философии имеется некоторое различие в представлениях о

¹ Автор выражает особую благодарность Артёму Юнусову, в беседах и обсуждениях с которым родилась большая часть содержания этой статьи. Также автор благодарит Алексея Кардаша, Михаила Хорта и анонимного рецензента за ценные комментарии и мотивацию дополнительно поработать над качеством этого текста.

том, как устроен мир. В буквальном смысле я обнаруживаю в себе склонность полагать, что существуют такие утверждения, что большинство аналитических философов принимают их в качестве истинных, тогда как большинство континентальных философов полагают их ложными. Я постараюсь рассказать, о какого рода утверждениях здесь идёт речь.

Однако прежде стоит сделать несколько оговорок.

Во-первых, следует сразу заметить, что речь идёт о спекулятивной, умозрительной интуиции по поводу эмпирического вопроса. Есть такие особые утверждения или нет — это предмет для эмпирического исследования, предполагающего проведение анкетирования со значительной репрезентативной выборкой. При этом отрицательную гипотезу о том, что никаких таких утверждений не существует, было бы достаточно сложно доказать эмпирически. Ведь всякий раз может оказаться, что мы пока просто не нашли того кандидата для проверки, который прошёл бы её успешно и был бы зачислен в число тех, кто демонстрирует наличие доктринальных различий между аналитической и континентальной философией. С одной стороны, это делает несколько уязвимой антидоктриналистскую позицию, поскольку она никогда не может быть доказанной. С другой стороны, представляется справедливым, что бремя доказательства в таком случае лежит на тех, кто утверждает, что такие различия есть. Это не значит, что антидоктриналистская позиция является дефолтной и мы можем обоснованно её придерживаться до тех пор, пока доктриналист не смог доказать обратное. Дефолтной здесь, по-видимому, всё же должна быть установка о том, что какие-то содержательные различия между ними имеются, тогда как установление того, что их нет, было бы скорее неожиданным результатом, нежели подтверждением установки, принимаемой по умолчанию. Тем не менее каждое последующее испытание достаточно правдоподобного кандидата в случае его провала делает антидоктриналистскую позицию всё более и более обоснованной.

Несмотря на всё вышесказанное, никаких эмпирических свидетельств в пользу своей доктриналистской позиции я в дальнейшем не представлю, поскольку никаких опросов я не проводил. При этом моя локальная задача мне видится не в том, чтобы доказать истинность доктринализма, но в том, чтобы по возможности наиболее ясным образом сформулировать некоторые его версии в качестве правдоподобных гипотез, нуждающихся в дальнейшей проверке. Соответственно, существенная часть нижеследующего изложения, хотя и представляется мне чем-то весьма и весьма правдоподобным, имеет скорее статус разнобразных гипотез и предположений. Тем самым я выступаю здесь в

роли, аналогичной роли физика-теоретика по отношению к физико-экспериментатору².

Во-вторых, стоит оговорить, что те суждения, которые представляются мне правдоподобными кандидатами, способными пройти такую эмпирическую проверку, далеко не всегда могут претендовать на статус «критерия аналитичности» и уж тем более на статус того, в силу принятия или в силу отказа от чего тот или иной философ признаётся аналитическим или континентальным. Тем самым я ни в коей мере не утверждаю, что атрибуция этих терминов на практике осуществляется на основании согласия или отказа от указанных установок. Такая атрибуция вполне может повсеместно осуществляться по критериям совершенно иного порядка, таким как стиль изложения и аргументации или характерные тенденции и закономерности в цитировании тех или иных источников. Тем не менее это не исключает того, что те, кого по этим критериям относят к числу философов-аналитиков, как правило, считают так-то и так-то, а тех, кого относят к числу континентальных философов, полагают совершенно иначе.

Представим, например, что таким кандидатом, способным успешно пройти эмпирическую проверку вышеуказанного рода, является суждение (N):

(N) «Ничто ничтожит» является примером бессмысленного языкового выражения.

Предположим, что большинство аналитических философов согласны с тем, что (N) является истинным, тогда как большинство континентальных философов полагают, что (N) ложно. Даже если это и так, то я ни в коей мере не утверждаю, что кого-либо в этом случае

² Экспериментальные исследования, касающиеся деления на аналитическую и континентальную философию, уже проводились. В частности, можно упомянуть исследование Моти Мизрахи и Майка Дикенсона (Mizrahi & Dickinson, 2021). Однако его методология основывалась на исследовании слов-индикаторов по значительной выборке текстов, а не на анкетировании философов. Эмпирический результат, более схожий по своей форме с выдвигаемыми мною гипотезами, упоминается в исследовании Дэвида Чалмерса и Дэвида Бурже. Речь идёт о выявленной по итогам опроса значимой корреляции между тем, чтобы опрошиваемый определял себя в качестве континентального философа, и его склонностью отрицать когнитивизм в метаэтике (Bourget & Chalmers, 2014, 482). Впрочем, число целевым образом опрошенных философов, идентифицировавших себя в качестве специализирующихся по континентальной философии, в этом исследовании составило 25 человек из 1972 (Bourget & Chalmers, 2014, 475), что не позволяет считать данную выборку репрезентативной. Аналогичное исследование российских философов (Беседин и др., 2017) не предполагало выявления каких-либо корреляций подобного рода.

можно было бы признать аналитическим философом на одном лишь том основании, что он полагает (N) истинным.

Ясно при этом, что среди таких кандидатов на роль доктринальных различий, способных успешно пройти данный тест, могут оказаться как более, так и менее значимые положения. И всё же даже в случае наиболее значимых таких положений я не берусь утверждать, что они выступают на практике «критерием аналитичности» философов. В то же время, хотя на практике могут использоваться совсем иные критерии, я полагаю, что ключевые доктринальные расхождения между аналитическими и континентальными философами могут иметь в числе своих последствий и различия в стиле изложения и аргументации, и различия в тенденциях цитирования, и многое другое. Тем самым я полагаю, что практика атрибуции этих терминов может осуществляться по косвенным признакам, тогда как наиболее фундаментальными различиями могут быть доктринальные.

Третья оговорка требуется в отношении того, насколько подавляющим должно быть большинство в рамках рассматриваемого эмпирического критерия. Кто-то может утверждать, что речь следует вести не о большинстве, а о 100% будь то аналитических или континентальных философов. Любое отклонение от 100% допускает наличие контрпримеров. То есть допускает наличие, например, 5% таких аналитических философов, которые не принимают того, что принимают 95% других аналитических философов, — что не делает эти 5% философов в меньшей степени аналитическими. В таком случае на доктриналиста накладывается более сильное обязательство: предъявить такое утверждение, что отказ принимать его в качестве истинного *исключает* для философа возможность быть аналитиком.

Я думаю, что вменение доктриналисту столь сильного обязательства не является обоснованным. В связи с этим стоит отметить существенное отличие между, например, приписыванием кому-либо статуса доктриналиста или антидоктриналиста с одной стороны и приписыванием кому-либо статуса аналитического или континентального философа с другой стороны. В самом деле, термины «доктриналист» и «антидоктриналист» вводятся нами в употребление одновременно с чётким критерием их употребления: мы называем доктриналистами тех философов, которые принимают тезис о наличии у аналитической философии какого-либо доктринального ядра. К числу таких философов мы относим, например, Артура Папа (Pap, 1949), Майкла Даммита (Dummett, 1994) и меня. Соответственно, тех философов, которые не принимают данный тезис, мы называем антидоктриналистами и относим к их числу, например, Аврума Стролла (Stroll, 2000), Майкла Бини

(Beany, 2007), Ханса Глока (Glock, 2008) и Евгения Логинова (Логинов, 2025). Таков один из способов выработки терминологии: мы вводим термин и одновременно с этим в явном виде задаём условия его корректного употребления.

Однако так бывает далеко не всегда. Порой тот или иной термин появляется в нашем обиходе без эксплицитно заданных правил его применения. Практика его употребления формируется стихийно, однако затем она может стать предметом нашего изучения с целью выработки дескриптивной нормы — то есть той нормы, которая призвана соответствовать уже сложившейся практике. И поскольку такая норма вырабатывается постфактум, она порой допускает исключения.

Впрочем, исключения могут случаться даже там, где мы приложили все усилия для наведения строгости и порядка. Например, мы можем классифицировать живые организмы по типу их питания и в рамках такой классификации определить хищников как живых существ, хотящихся на животных и употребляющих их в пищу. При этом тигров как представителей рода пантер и семейства кошачьих мы отнесём к числу хищников. Однако если некий конкретный тигр Тимур откажется от охоты и перестанет употреблять в пищу мясо других животных, то от этого он не перестанет быть тигром. Быть хищником для тигра — это типичное, но не сущностное свойство. И всё же в норме тигры являются хищниками.

Если мы распространим схожие по форме рассуждения на классификацию философов, то в отношении некоторых из них мы также можем выделить черты, которые могут быть для них типичными, но не сущностными и потому не неотъемлемыми. Это позволит нам говорить об «аналитической философии в норме».

Прежде всего, перечислим всё то, что в эту дескриптивную норму аналитической философии не входит.

Определённо, в эту норму не входит применение формальных методов логического анализа. Действительно, среди классиков аналитической философии мы обнаруживаем немало логиков: Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн, Рудольф Карнап, Карл Гемпель, Уиллард Куайн, Нельсон Гудман, Дональд Дэвидсон, Майкл Даммит, Хилари Патнем, Дэвид Льюис, Сол Крипке, Яакко Хинтикка, Кит Файн, Тимоти Уильямсон и др. Однако не менее представительен и список тех, кто логиком не являлся и формальными методами орудовать был не склонен: Дж. Э. Мур, Альфред Айер, Джон Остин, Гилберт Райл, Джон Сёрл, Дэвид Армстронг, Дэниел Деннет, Джон Ролз, Дерек Парфит и др. Ясно, что у аналитической философии особые, тесные отношения с философской логикой. В списке классиков континентальной философской

мысли мы столько логиков не найдём, и это вовсе не случайно. И всё же нельзя сказать, что для аналитического философа применение логического анализа и средств формализации выражений естественного языка является дескриптивной нормой. Соответственно, едва ли логический анализ может быть компонентой такого тезиса, претендующего на роль доктринального различия, который оказался бы способен пройти наш эмпирический тест. Рассмотрим, например, следующий вариант:

(WH) Формализация и логический анализ являются условием всякого продуктивного философского анализа.

Представляется весьма вероятным, что при опросе среди аналитических философов это утверждение получит значительно большую поддержку, чем при опросе, проводимом среди континентальных философов, но всё же маловероятно, чтобы эта поддержка со стороны аналитиков превысила бы 50%, и уж практически наверняка она не превысила бы 80%³.

Также дескриптивной нормой для аналитического философа не является принятие натуралистической установки и апелляция к результатам, полученным в рамках естественных наук. Аналитический философ может не принимать тезис натурализма и при этом оставаться нормальным аналитическим философом. Так, например, аналитический философ в равной степени может быть:

— психологистом в отношении логического знания и признавать его частным случаем эмпирического знания, основывающегося на индуктивном обобщении опыта познающих агентов;

— анти-психологистом в отношении логического знания и полагать, что его источником не являются индуктивные обобщения опыта познающих агентов;

— натуралистом в отношении морального познания и полагать, что, во-первых, моральное знание возможно; во-вторых, что его источником служит опыт агентов; и, в-третьих, что возможна этика как эмпирическая наука;

— анти-натуралистом в отношении морального познания и полагать, что, хотя такое знание возможно, его источником является не опыт

³ В дальнейшем я буду исходить из того, что успешным является прохождение теста при пороговом значении в 75%. Такое прохождение является, на мой взгляд, показателем достаточной информативности соответствующего тезиса (т. е. показывает, что не менее трёх из четырёх аналитиков такой тезис принимают, тогда как не менее трёх из четырёх континентальных философов его не принимают). Успешное прохождение теста с пороговым значением в 80% способно еще более усилить это представление об информативности.

восприятия единичных положений дел, но интуитивное схватывание общих моральных суждений, и, соответственно, этика как эмпирическая наука невозможна;

— социальным конструктивистом в отношении моральных норм и полагать, что эмпирические науки способны давать знание о дескриптивных фактах, описывающих закономерности моральных практик, однако не способны давать знание о нормативных моральных фактах, поскольку такое знание в принципе невозможно в отсутствие таких фактов в мире.

Однако при всём разнообразии этих возможных позиций аналитический философ в норме не может прямо и грубо игнорировать данные естественных наук, противоречащие его философской теории, или заявлять об эпистемическом приоритете философских теорий над научными.

Таким образом, наши первые кандидаты на роль доктринальных различий выглядят следующим образом:

(H1) Ни одна философская концепция не может иметь эпистемического приоритета над научными теориями.

(H2) Философские концепции и теории, противоречащие научным данным, не могут быть использованы в познавательных целях.

Представляется вполне правдоподобной гипотеза о том, что большинство аналитических философов принимают (H1) и (H2) в качестве истинных суждений, тогда как большинство континентальных философов склонны отказываться признавать истинность (H1) и (H2).

В самом деле, как показывает практика, для континентальных философов вполне допустимо развивать свои философские построения на заведомо антинаучных началах. Например, континентальный философ вполне может основываться в своих рассуждениях на учении каббалиста XVI века (Реgev, 2020; Реgev, 2022) или исследовать числа, лежащие в основании процессов жизнетворчества (Куртов, 2024), или исповедовать веру в вещное слово (Секацкий, 1996). Для аналитических философов в норме такое едва ли возможно даже на уровне постановки вопроса.

Это говорит о том, что для аналитических философов характерно полагать естественные науки и философию взаимосвязанными частями единого познавательного проекта, выстраивающегося на основе общих стандартов аргументации и рациональности (Williamson, 2007, 3). У аналитической философии и науки в конечном итоге имеется общий объект

познания — актуальный мир, представляющий собой совокупность фактов. Тогда как для континентальной философии объект философского и научного познания зачастую различен: наука исследует сущее, тогда как философия призвана ставить вопрос о бытии, которое, вообще говоря, не является объектом и потому не может быть объектом познания в его объективирующей форме.

Ясно, что из этого вытекает множество следствий, среди которых мы можем отметить то, что, с одной стороны, философское познание при такой континентальной трактовке претендует на более высокий статус по сравнению с научным познанием, а также на автономию от последнего. Вместе с тем признаётся, что задача науки — давать ответы, претендующие на полноту и исчерпывающий характер, тогда как философия никогда полных и исчерпывающих ответов дать не в силах, и это не входит в её задачи. В таком случае наука и философия преследуют попросту различные цели. Наука ориентирована на знание и собирание фактов о сущем, тогда как философия, как иногда говорят, преследует своей целью понимание как особое состояние субъекта в его взаимоотношениях с миром, несводимом к простой совокупности фактов. Причём в некоторых случаях вместо ясного понимания мы можем довольствоваться открытым вопрошанием, остающимся без чего-либо похожего на ответ.

В таком случае очередной гипотетический кандидат на роль доктринального различия выглядит так:

(Н3) Цели философского познания принципиально не отличаются от целей научного познания. В обоих случаях это познание фактов и поиск их теоретических объяснений.

Как и в предыдущих случаях, я полагаю весьма правдоподобной гипотезу о том, что большинство аналитических философов принимают (Н3), тогда как большинство континентальных философов не склонны соглашаться с этим утверждением.

К этой гипотезе мы ещё вернёмся в дальнейшем. Пока же рассмотрим в качестве следующего кандидата ещё одно суждение:

(Н4) Обо всём, что имеет место, можно осмысленно нечто сказать — то есть сказать так, чтобы сказанное было способно претендовать на истинность и для него можно было бы предъявить условия его истинности.

В данной формулировке содержится по меньшей мере две существенные идеи.

Первая идея семантическая. Она отсылает к классическому дэвидсоновскому представлению о том, что значением предложения являются условия его истинности (Heim & Kratzer, 1998), тогда как условием осмысленности того или иного языкового выражения является его способность иметь истинностное значение, пусть даже и ложное. В сочетании с идеей о композиционном строении семантики естественного языка это даёт нам представление об алгоритмизируемой, вычислительной природе анализа значений языковых выражений.

Вторая существенная идея — это идея соответствия структуры и выразительных возможностей естественного языка с одной стороны и структуры и содержания мира с другой стороны. Предполагается, что выразительных средств языка с учётом возможности его пополнения и достраивания достаточно, чтобы выразить любое имеющееся в мире содержание. Это исключает необходимость при описании тех или иных фрагментов мира обращения к метафорам как к особым средствам выразительности языка, которые не предполагают простого алгоритма предъявления условий истинности для соответствующих метафорических суждений.

Так, для суждения

(L) «Любовь — это всякий раз хождение по тонкому льду»

затруднительно предъявить условия его истинности вида «(L) истинно тогда и только тогда, когда *p*». Со своей стороны, для аналитика при обсуждении природы любви вполне типично оперировать такого рода формулировками:

(AL) S любит P тогда и только тогда, когда S склонен учитывать интересы P в рамках своих практических рассуждений наряду со своими собственными интересами и способен сознательно жертвовать своими интересами в пользу интересов P (cf. Frankfurt, 2004, 37).

Для (AL) можно достаточно легко предъявить условия его истинности. Будучи общим суждением и имея логическую форму материальной эквивалентности, (AL) выполняется тогда и только тогда, когда всякий раз при выполнении левой части (в мире имеется положение дел, что S любит P) выполняется правая часть (в мире имеется

положение дел, что S склонен учитывать интересы P), и при этом всякий раз при выполнении правой части выполняется левая.

Тот факт, что суждения, высказываемые философами-аналитиками, как правило, имеют неметафорический характер, предполагающий возможность предъявления условий их истинности, создаёт предпосылки для формирования понятных правил и целей ведения дискуссии, то есть того, что Владимир Кириллович Шохин называет контрверсивной диалектикой (Шохин, 2015, 20). Если Василий принимает тезис (AL), тогда как Иван не принимает данный тезис, то задачей Ивана оказывается продемонстрировать Василию сценарии, фальсифицирующие (AL). То есть либо показать возможность любви, не сопровождающейся учётом интересов любимого, либо показать возможность учёта интересов другого человека без любви к нему. В свою очередь, Василий, столкнувшись с предъявленными ему сценариями, должен либо показать, что в рамках этих сценариев всё равно выполняется тезис (AL), либо осуществить ревизию своих установок и внести в свой тезис (AL) те или иные уточнения и дополнения, либо вовсе отказаться от него. Прямой прагматической целью ведения дискуссии при этом является установление истинностного значения тезиса (AL) и принятие обеими сторонами обоснованных и истинных установок в отношении него. Таким образом, целью является приобретение пропозиционального знания, знания об имеющемся в мире положении дел.

Совсем иначе ситуация обстоит в том случае, если бы Василий и Иван разошлись в своих мнениях по поводу тезиса (L). Во-первых, с точки зрения философа-аналитика, в случае такой потенциальной дискуссии у неё был бы нечётко определён её тезис и её предмет. В такой ситуации, по мнению аналитика, трудно рассчитывать на коммуникативную эффективность дискурсивного противостояния. Первоначально следует определить, что здесь имеется в виду, и каков, собственно, предмет разногласия. Для этого исходное суждение требуется перевести из метафорической формы в ту, которая имеет ясные условия истинности. Например:

(L1) «Любовные отношения всякий раз сопровождаются для вовлечённых в них агентов неопределённостью относительно будущих событий».

Или:

(L2) «Любовные отношения всякий раз сопровождаются для вовлечённых в них агентов наличием угрозы для их жизни».

При такой трансформации рассматриваемого тезиса мы вновь получаем ясные и понятные стратегии его защиты и опровержения и, как следствие, получаем пространство для конструктивной дискуссии, ориентированной на выяснение истинностного значения обсуждаемого тезиса. Однако весьма вероятно, что наш воображаемый континентальный сторонник тезиса (L) будет всячески противиться его переводу из метафорической формы в любой иной вид, имеющий ясные условия истинности. Для него любая такая трансформация сопряжена с потерей ключевого элемента содержания — элемента, который полагается невыразимым иначе, чем посредством метафорических и поэтических образов.

Сформулируем в связи с этим ещё один кандидат на роль доктринального различия:

(H5) Существуют мысли, которым можно повредить, пытаясь их прояснить.

«Повредить» здесь можно понимать различным образом, но в предельной своей трактовке оно может означать «сделать истинное ложным». Ложной мысль становится тогда, когда она приобретает конкретный вид, например вид (L1) или (L2), вследствие чего эта исходная мысль перестаёт соответствовать действительности по причине собственной узости и негибкости. При этом мысль вовсе не обязана быть конкретной и в неопределённой своей форме вполне может быть истинной. Так дело может обстоять, например, в случае мысли, выражаемой (L). Схожим образом дело может обстоять и в случае суждения «Ничто ничтожит» в рамках метафорической, образной его трактовки⁴.

При этом стоит признать, что тезис (L), предъявленный в метафорической своей форме, может не предлагаться в качестве предмета для аргументативной дискуссии и аргументированного расхождения во мнениях. Это суждение — не то, с чем может быть уместно быть несогласным. Оно может быть призвано определённым образом выразить отношения говорящего с миром, и потому, если вновь обращаться к

⁴ Примечательно, что Пётр Куслий и Екатерина Вострикова в своём исследовании показывают, что с точки зрения современной формальной семантики выражение «ничто ничтожит» не является примером некорректного синтаксиса и может быть интерпретировано композиционным образом (т. е. на основании интерпретации двух его частей и их связи друг с другом). Проблема, однако, в том, что процедура последовательного определения «того, какое значение вкладывается Хайдеггером в слово "ничто" и в слово "ничтит"» (Куслий & Вострикова, 2019, 92) может оказаться неизбежно разрушительной для всей мысли, выражаемой этим суждением как таковым. И это не значит, что никакой мысли и не было до начала этой процедуры.

аналитической терминологии, может представлять собой своего рода экспрессив — речевой акт, содержание которого заведомо не претендует на обладание каким-либо истинностным значением. Тем самым континентальный философ, в отличие от аналитического, может себе позволить в явном виде заявить, что задача философа не ограничивается и не сводится к тому, чтобы продуцировать суждения, претендующие на формальную истинность.

Впрочем, было бы большим преувеличением сказать, что вся континентальная философия представляет собой нагромождение выражений вида (L). Это, конечно, не так, и в рамках континентальной философии имеется достаточно места для аргументированного расхождения во мнениях по поводу истинности тех или иных тезисов.

Различие же здесь заключается в том, что аналитический философ при изложении своей позиции, как правило, имеет обязательство избегать выражений вида (L), не имеющих ясных условий истинности, тогда как континентальный философ такого обязательства не имеет.

Это различие нуждается в некотором объяснении. Отчего аналитик берёт на себя те обязательства, которые не принимает континентальный философ? Оснований здесь можно выделить несколько. Первое — это уже отмечавшееся нами представление аналитика о единстве познавательного проекта науки и философии, ориентированного на получение знания о мире. Для обеспечения такого единства требуется отказаться от метафорического использования языка с тем, чтобы обеспечить «организованный скептицизм», то есть возможность широкой интерсубъективной критики рассматриваемых теорий, формулировки которых допускают возможность их опровержения. Второе — это представление о том, что, отказываясь от метафорического употребления языка, аналитик ничего не теряет в плане его выразительных возможностей, вполне достаточных для целей познания и без использования метафор.

Это важный тезис, и он определённо нуждается в обосновании. Для того чтобы приблизиться к такому обоснованию, мы рассмотрим несколько версий этого тезиса, очевидным образом отличающихся по своей силе. Первая версия такова:

(Н6) Не существует ничего такого, чего нельзя было бы выразить иначе, чем посредством метафор.

Каковы могут быть основания для того, чтобы придерживаться тезиса (Н6)? Таким основанием может быть представление о том, что мир представляет собой совокупность фактов, то есть положений дел,

имеющих место. Среди имеющихся положений дел особое место занимают атомарные положения дел, представляющие собой реализацию индивидами или их упорядоченными последовательностями тех или иных свойств или отношений. Индивидам в языке соответствуют имена и местоимения. Свойствам и отношениям в языке соответствуют предикаты. В таком случае, если положения дел — это всё, что имеется в мире, то всё, что имеется в мире, выразимо в языке посредством имён, местоимений, кванторов и предикатов без использования каких-либо метафор.

Кажется, не так просто представить себе нечто, имеющее место, но при этом не являющееся положением дел. И всё же мы попробуем указать на границы выразительных возможностей языка.

Для этого рассмотрим три суждения: «Василий любит Машу»; «Василий счастлив»; «Василий слышит красивую музыку». Эти суждения призваны описывать некоторые положения дел, имеющиеся в мире. Однако можно предположить, что, даже если эти выражения способны быть истинными или ложными в силу их соответствия имеющимся в мире положениям дел, эти положения дел оказываются невыразимы в полной мере посредством данных суждений.

Даже если Василий действительно любит Машу, что бы это ни значило, вполне возможно, что отношение его к Маше является столь сложным, столь многогранным, столь неуловимым в своих оттенках, нюансах и проявлениях, что его невозможно было бы выразить даже посредством последовательности из миллиона слов, не говоря уже о трёх поставленных в ряд словах «Василий любит Машу». В таком случае, возможно, что в мире действительно имеется такое положение дел, что Василий любит Машу. Однако при этом в мире может иметь место гораздо более сложное и, возможно, даже невыразимое в языке положение дел: то, как Василий относится к Маше. Можно заметить, что даже в этом случае язык позволяет указать на это положение дел. И всё же «указать» в данном случае следует отличать от «выразить». В языке просто нет соответствующего предиката конечной длины, который выражал бы в полной мере отношение Василия к Маше. В таком случае, возможно, что такое положение дел является невыразимым.

Что на этот счёт может сказать аналитик? Он может пойти двумя путями. Он может либо продолжать настаивать на том, что даже такие положения дел выразимы в языке, либо ослабить свой тезис.

Первая опция заключается в следующем. Аналитик может сказать, что подобно тому, как имя «Василий» выражает (обозначает) в языке некоторого индивида со всей его уникальностью, сложностью и многогранностью, так и выражение «любовь Василия к Маше» может

выражать то уникальное, сложное и многогранное отношение, которое связывает Василия с Машей в актуальном мире. В противном случае мы не могли бы выразить в языке даже простейших положений дел, таких как «Василий спит», в той мере, в какой каждое положение дел, включающее в себя уникальных индивидов, является по-своему уникальным и сложным. Это предполагало бы абсурдное заключение о том, что в мире нет ничего выразимого (впрочем, возможно, в этом заключении нет ничего абсурдного, особенно для континентального философа).

Однако есть и другая опция. Эта опция заключается в том, чтобы ослабить исходный тезис, допустив наличие в мире невыразимого. В такой уточнённой версии тезис мог бы выглядеть следующим образом:

(Н7) Даже если невыразимое иначе, чем посредством метафор, имеет место в мире, говорить в рамках философского дискурса имеет смысл только о том, что можно выразить без метафор.

Заметим, что тезис (Н7) может иметь как нормативное, так и дескриптивное прочтение. При нормативном прочтении выражение «имеет смысл» является синонимом для термина «следует». Тогда как при дескриптивном прочтении «имеет смысл» указывает на условие эффективности коммуникации. В последнем случае говорить о невыразимом, конечно, допустимо, но такая коммуникация будет заведомо провальной и неэффективной: адресат заведомо не в состоянии корректно распознать содержание передаваемого ему посредством метафоры сообщения. Если же он решит вступить в спор с адресантом, то этот спор наверняка не будет иметь общего предмета обсуждения.

В связи с этим тот же тезис можно переформулировать несколько иначе, а именно следующим образом:

(Н8) Даже если невыразимое имеет место в мире, оно не имеет познавательного значения и не относится к предмету философского познания.

Сопоставив (Н8) с гипотезами (Н3) и (Н5), можно предложить для проверки ещё одну формулировку:

(Н9) Многие философские истины как предмет философского познания по своей природе ближе к научным истинам, чем к художественным, где под художественными истинами понимаются значимые мысли и идеи, невыразимые иначе, чем посредством метафор, образов, мелодий, интонаций, мимики и

жестов, а также всех иных способов художественной выразительности.

При таких формулировках различие в установках между аналитической и континентальной философией представляется довольно наглядным. То, что для континентальной философии зачастую представляет собой приоритетный предмет для осмысления, для аналитической философии оказывается тем, что не имеет существенного познавательного значения.

Последнее, о чём я хотел бы сказать несколько слов в заключение, — это вопрос о том, являются ли эти предполагаемые доктринальные различия дескриптивными или нормативными. С одной стороны, нормативный аспект некоторых из этих формулировок достаточно очевиден. Однако, как мне представляется, дескриптивный аспект в них также присутствует, и его можно несколько усилить, предварив каждую из этих гипотез словами «мир устроен так, что Н»:

— мир устроен так, что ни одна философская концепция не может иметь эпистемического приоритета над научными теориями;

— мир устроен так, что существуют мысли, которым можно повредить, пытаясь их прояснить;

— мир устроен так, что не существует ничего такого, чего нельзя было бы выразить иначе, чем посредством метафор;

— мир устроен так, что многие философские истины как предмет философского познания по своей природе ближе к научным истинам, чем к художественным.

Стоит признать, что такие дополненные формулировки отличаются от исходных, и можно себе представить опрошенных, которые, принимая ту или иную исходную формулировку, откажутся принимать её дополненную версию. Тем не менее эти дополненные формулировки так же могли бы быть кандидатами для эмпирической проверки, и, быть может, некоторые из них смогли бы успешно пройти этот тест. В таком случае это позволило бы говорить о том, что понятия аналитической и континентальной философии всё же обладают определённым дескриптивным содержанием.

Список литературы

Беседин, А. П., Васильев, В. В., Волков, Д. Б. & Кузнецов, А. В. (2017). О чём думают российские философы? Результаты интернет-опроса. *Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия*, (6), 84–116.

- Куртов, М. (2024). О значении числа 37 (73) в жизнетворчестве Бориса Останина. *Новое литературное обозрение*, 186(2), 264–269.
- Куслий, П. С. & Вострикова, Е. В. (2019). Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизики с помощью логического анализа естественного языка. *Эпистемология и философия науки*, 56(4), 78–98.
- Логинов, Е. В. (2025). Несколько слов об историографических решениях. В Е. В. Логинов (Ред.), *Существование Бога? Современные позиции и подходы*. СПб: Умозрение.
- Регев, Й. (2020). Введение в исчисление сред. *Логос*, 30(5), 1–22.
- Регев, Й. (2022). Механизм, оккультизм, исчисление сред: вечный двигатель советского. *Versus*, 2(4), 62–73.
- Секацкий, А. К. (1996). *Моги и их могущества*. СПб.: Митин журнал; Азбука.
- Шохин, В. К. (2015). Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути. *Философский журнал*, 8(2), 16–27.
- Beany, M. (2007). The Analytic Turn in Twentieth-Century Philosophy. In M. Beany (Ed.), *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. New York: Routledge.
- Bourget, D. & Chalmers, D. (2014). What do Philosophers Believe? *Philosophical Studies*, 170, 465–500.
- Dummett, M. (1994). *Origins of Analytical Philosophy*. Harvard: Harvard University Press.
- Frankfurt, H. (2004). *The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press.
- Glock, H. (2008). *What Is Analytic Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heim, I. & Kratzer, A. (1998). *Semantics in Generative Grammar*. Malden: Blackwell.
- Mizrahi, M. & Dickinson, M. (2021). The Analytic-Continental Divide in Philosophical Practice: An Empirical Study. *Metaphilosophy*, 52(5), 668–680.
- Pap, A. (1949). *Elements of Analytic Philosophy*. Macmillan Company.
- Stroll, A. (2000). *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press.
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishing.

Информация об авторе: Фролов Константин Геннадьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, г. Москва, konstantin-frolov@yandex.ru.

Поступила в редакцию: 02 августа 2025 г.

Принята к публикации: 10 сентября 2025 г.

Опубликована: 28 декабря 2025 г.

Konstantin G. Frolov

On Some Hypotheses Regarding Doctrinal Differences between Analytic and Continental Philosophy

Abstract. In this paper, I propose nine hypotheses regarding the doctrinal differences between analytic and continental philosophers. It seems reasonable to suggest that a majority of analytic philosophers would accept these propositions, whereas most continental philosophers would likely reject them. However, these hypotheses require further empirical testing. If the testing is successful, it may reveal that the concepts of analytic and continental philosophy actually hold some descriptive content. The inherent vagueness of these concepts does not necessarily imply that they lack any substantive meaning.

Keywords: analytic philosophy, continental philosophy, truth, semantics, meaning, compositionality.

Citation: Frolov, K. G. (2025). On Some Hypotheses Regarding Doctrinal Differences between Analytic and Continental Philosophy. *Analytica*, 10, 244–263.

References

- Beany, M. (2007). The Analytic Turn in Twentieth-Century Philosophy. In M. Beany (Ed.), *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. New York: Routledge.
- Besedin, A. P., Vasiliev, V. V., Volkov, D. B. & Kuznetsov, A. V. (2017). O chem dumayut rossiiskie filosofi? Rezul'taty internet-oprosa [What do Russian Philosophers Think? The Internet-Survey Results]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, (6), 84–116. (in Russian).
- Bourget, D. & Chalmers, D. (2014). What do Philosophers Believe? *Philosophical Studies*, 170, 465–500.
- Dummett, M. (1994). *Origins of Analytical Philosophy*. Harvard: Harvard University Press.
- Frankfurt, H. (2004). *The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press.

- Glock, H. (2008). *What Is Analytic Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heim, I. & Kratzer, A. (1998). *Semantics in Generative Grammar*. Malden: Blackwell.
- Kurtov, M. (2024). O znachenii chisla 37 (73) v zhiznetvorchestve Borisa Ostanina [On the Meaning of the Number 37 (73) In the Life of Boris Ostanin]. *New Literary Observer*, 186(2), 264–269. (in Russian).
- Loginov, E. V. (2025). Neskol'ko slov ob istoriograficheskikh resheniyakh [A Few Words about Historiographic Decisions]. In E. V. Loginov (Ed.), *Sushchestvovanie Boga? Sovremennye pozitsii i podkhody [Existence of God? Modern Positions and Approaches]*. Saint Petersburg: Umozrenie. (in Russian).
- Mizrahi, M. & Dickinson, M. (2021). The Analytic-Continental Divide in Philosophical Practice: An Empirical Study. *Metaphilosophy*, 52(5), 668–680.
- Pap, A. (1949). *Elements of Analytic Philosophy*. Macmillan Company.
- Regev, Y. (2020). Vvedenie v ischislenie sred [An Introduction to the Calculus of Environments]. *Logos*, 30(5), 1–22. (in Russian).
- Regev, Y. (2022). Mekhanizm, okkul'tizm, ischislenie sred: vechnyi dvigatel' sovet'skogo [Mechanism, Occultism, the Calculus of Environments: The Perpetual Motion of Soviet Space]. *Versus*, 2(4), 62–73. (in Russian).
- Sekatskiy, A. K. (1996). *Mogi i ikh mogushchestva [The Might and Their Powers]*. Saint Petersburg: Mitin zhurnal, Azbuka. (in Russian).
- Shokhin, V. (2015). Analiticheskaya filosofiya: nekotorye neprotorennyye puti [Analytic Philosophy: Some Unbeaten Tracks]. *The Philosophy Journal*, 8(2), 16–27. (in Russian).
- Stroll, A. (2000). *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press.
- Vostrikova, E. V. & Kusliy, P. S. (2019). Preodolenie kriticheskikh argumentov Karnapa protiv metafiziki s pomoshch'yu logicheskogo analiza estestvennogo yazyka [The Elimination of Carnap's Critical Arguments Against Metaphysics Through Formal Semantic Analysis of Natural Language]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56(4), 78–98. (in Russian).
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishing.

Author's Information: Frolov, Konstantin G., C.Sc. in Philosophy, Researcher at the Department of Social Epistemology, RAS Institute of Philosophy, Moscow, konstantin-frolov@yandex.ru.

Received: 02 August 2025

Accepted: 10 September 2025

Published: 28 December 2025